

Метаморфозы истории 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 30 Том . 2023

К вопросу о термине «ἄμερμουμνῆς» у «Продолжателя Феофана»

Филатов Алексей Андреевич

*младший научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности», Псковский государственный университет (ПсковГУ)
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация

Статья посвящена особенностям специальной терминологии, которую византийские авторы VIII–IX вв. применяли по отношению к верховному правителю мусульманского мира. В качестве основного источника в данном исследовании была взята хроника «Продолжателя Феофана», представляющая собой органическое продолжение разобранных ранее трудов Феофана Исповедника и Константина Багрянородного. Особое внимание в работе уделено уникальному термину «ἄμερμουμνῆς», применявшемуся исключительно к халифу.

Ключевые слова: Византия, Арабский халифат, христианство, ислам, «Продолжатель Феофана», Константин Багрянородный, восточная деспотия.

Дата публикации: 27.12.2023

Источник финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01181 «Миф о “восточном деспотизме” в европейской литературной традиции (от античности до раннего Нового времени)», <https://rscf.ru/project/22-28-01181/>

Ссылка для цитирования:

Филатов А. А. К вопросу о термине «ἀμερμονική» у «Продолжателя Феофана» // *Метаморфозы истории – 2023*. – Выпуск 30 [Электронный ресурс]. URL: <https://history-metamorph.ru/S241436770028683-1-1> (дата обращения: 06.07.2024). DOI: 10.37490/S241436770028683-1

¹ История отношений Византийской империи с арабским миром содержит в себе огромное количество фундаментальных проблем, связанных с разными сферами общественной жизни. Антагонизм двух религиозных систем и сформированных ими мировоззрений, военно-политическое соперничество на территории Ближнего Востока, взаимное влияние двух культур, воздействие на данный процесс еретических течений и т.д. – вот лишь несколько наиболее очевидных проявлений длительного взаимодействия империи ромеев с мусульманскими государствами. Находящаяся сегодня в распоряжении исследователей источниковая база предоставляет большое количество информации, касающейся преимущественно вооруженных конфликтов и дипломатических миссий. Само по себе развитие историографической мысли в Византии является предметом внушительного ряда исследований. Тем не менее, несмотря на явное увеличение интереса к данной теме в научной среде в конце XX – начале XXI в., комплексный характер процесса развития арабо-византийских взаимоотношений требует детального анализа каждого из его многочисленных элементов.

² Особенно справедливо данное утверждение в отношении проблемы политической власти и ее восприятия современниками. Поскольку статус верховного правителя в средневековом государстве наделялся особыми, свойственными лишь ему чертами, он неизбежно должен был по-особому восприниматься окружающими. Под последними подразумеваются, как правило, подданные правителя – ближайшее окружение, жители управляемого им государства, его вассалы и союзники. Значительно меньше внимания уделяется особенностям восприятия института монархии мусульманского мира в сознании представителей соседней, но во многом противоположной культурно-мировоззренческой системы. Именно этот вопрос – проблема восприятия феномена арабской деспотии в византийской литературе – будет разобран в данной работе.

³ Поскольку византийская литературно-историческая традиция оставила после себя масштабный пласт сочинений, весь набор которых рассмотреть подробно в одной статье не представляется возможным, в качестве продолжения предыдущего исследования по данной теме, посвященного образу арабского правителя в византийской литературе X в.¹, за основу будет взято произведение, современное уже разобранным – совокупность нескольких хроник, известных под общим названием «Продолжатель Феофана». Как и в предыдущем случае, основным предметом исследования неизбежно становится терминология, применяемая автором в отношении образа восточного правителя.

⁴ В соответствии с установившейся в византийской литературе традицией, «Продолжатель Феофана» использует в отношении арабских правителей ту же терминологию, что и его предшественники. Как и в тексте «Хронографии» Феофана Исповедника, а также в трактате «Об управлении империей»

Константина IX Багрянородного, в его тексте постоянно встречаются обозначения, представляющие собой арабские слова в греческой транскрипции (с некоторыми изменениями в орфографии): «ἄμιρᾶς» (эмир)², «ἄμερμουμνῆς» (амермумн). Данная работа будет посвящена содержанию и контексту применения последнего из них.

⁵ Как было отмечено выше, вопрос политической терминологии в тексте «Продолжателя» стоит отдельно. Важно отметить, что данное произведение, написанное в период правления Константина Багрянородного и его преемника Романа II (913–969 гг.), представляет из себя пример «государственного заказа»³. Тот факт, что данная хроника создавалась по приказу и под надзором императора, сам по себе подразумевает неизбежное следование сложившейся до этого историко-литературной традиции – по крайней мере, в области терминологии по отношению к иноземным монархам. Несмотря на то, что относительно высшей власти мусульманского мира автор применяет уже установившийся набор специфических определений, во многом следуя сформировавшейся до него традиции, в данном случае можно заметить несколько существенных изменений.

⁶ Несмотря на проявления центробежных тенденций внутри Аббасидского халифата еще в конце IX в.⁴, византийские авторы X в. все еще продолжали воспринимать арабский мир как единое целое. Конкретные случаи сепаратизма и сам факт раскола некогда единого мусульманского государства не остались незамеченными византийскими писателями, однако религиозное сознание последних не могло не оказать свое влияние на историографическую традицию IX–X вв. Несмотря на противостояние между Омейядами и Аббасидами, шиитами и суннитами и прочие схизматические проявления, в восприятии христианских летописцев арабский мир продолжал оставаться единым целым как мир ислама, антагонистичный их собственному⁵. К середине X в. Византия уже имела достаточное количество контактов с арабами, чтобы представители ее историко-литературной традиции смогли идентифицировать ряд сходств между их государством и своим. Несмотря на то, что Империя всегда оставалась центром мира в сознании ромеев, последние не могли не сравнивать свою политическую систему с институтами управления в Халифате. В соответствии с этим, тексты византийских хроник IX–X вв. содержат ряд терминов узкой направленности в отношении власти арабских правителей.

⁷ Царский статус халифа всегда подчеркивается особым уникальным термином «ἄμερμουμνῆς». Он встречается в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm. imp. 25) и ведет свое происхождение от арабского титула «Амир аль-муминин» (Повелитель правоверных). Именно в таком виде он дважды появляется в тексте «Продолжателя Феофана», и первый из двух примеров касается истории основателя Критского эмирата Умара I Абу Хафса, названного в тексте «Апохапсом» (Ἀπόχαψ) (Theoph. Cont. II. 21).

⁸ Происхождение Умара Абу Хафса носит практически полуполюгендарный характер. Единственное, что можно констатировать в его отношении с большой долей уверенности – этот человек определенно не принадлежал к роду халифа.

Тем не менее, «Продолжатель» применяет в его отношении вышеназванный термин. Поскольку в тексте отсутствует прямое объяснение использования такой «узкоспециализированной» терминологии в процессе повествования об Абу Хафсе, об истинных причинах исследователю остается только догадываться.

⁹ На первый взгляд, может возникнуть ощущение, что указанный фрагмент из «Продолжателя» являет исследователю пример размывания значения данной терминологии, когда наименование «ἄμερμουμνῆς» применяется к любому выдающемуся лидеру мусульман. Однако, текст трактата «Об управлении Империей» четко проводит границу между этим словом и прочими терминами, служащими для обозначения более мелких арабских правителей – преимущественно, эмиров (ἄμῆρᾶς). Константин Багрянородный четко отмечает, что есть только три «амермумна» – в Багдаде, Африке и Испании, которые являются самовластными правителями и не подчиняются больше никому. Император был хорошо осведомлен о системе управления в арабских государствах, что становится очевидным на примере терминологии: «ἰδιοκρατησία» (личная власть), «ἰδιουρρυθμός» (самовластие) (De adm. imp. 25).

¹⁰ Одним из возможных объяснений этому может быть предположение о том, что коллектив авторов «Продолжателя Феофана» не обладал достаточным уровнем осведомленности о политической ситуации в мусульманском мире. Именно этим можно объяснить тот факт, что он изначально характеризует Абу Хафса как правителя андалузских арабов, и то, почему в его тексте нет эпизодов о восстании против кордовского эмира Хакама I, изгнании в Египет, бегстве из Александрии⁶. О самом «Апохапсе» он пишет не как об изгнаннике, а как о правителе, который, под давлением подданных, отправился искать богатую страну. Тем не менее, в его тексте исторически самопровозглашенный арабский правитель назван термином, применяемым только к халифам. Данный фрагмент представляет уникальный пример сделанного по ошибке «признания» за солдатским лидером царского статуса «Повелителя правоверных» со стороны христианского автора.

¹¹ Еще раз, ровно в такой форме, термин «ἄμερμουμνῆς» появляется во фрагменте, посвященном военачальнику Андронику Дуке, истории его мятежа против Льва VI Мудрого и бегства к арабам. В этом месте автор, следуя традиции, называет «ἄμερμουμνῆς» халифа Аббасидов⁷, и четкость применения термина не вызывает сомнений. Однако в дальнейшем появляется проблема греческой транскрипции данного титула. Во всех остальных фрагментах, где прослеживается применение этого слова, последнее предстает в несколько измененной форме – «ἄμεραμνουνῆ».

¹² Впервые такая форма появляется в III главе, посвященной императору Феофилу. Во фрагменте текста, рассказывающем о войне царя с арабами и разрушении Амория, она встречается несколько раз и относится напрямую к халифу аль-Мутасиму (Theoph. Cont. III. 32–34). Здесь «Продолжатель» вновь следует сложившейся традиции, но факт изменения орфографии наводит на предположения об отсутствии единообразия текста. Первый, наиболее очевидный, вывод, следующий из вышесказанного, – текст действительно представляет собой коллективный труд. Сам коллектив авторов, вероятно, включал в себя более двух

человек, поскольку изначальный вариант «ἄμερμουβνῆς» встречается во второй и четвертой главах, отделенных друг от друга большим массивом текста, внутри которого и появляется видоизмененная форма.

¹³ Второй вывод из вышесказанного – у коллектива авторов не было четкого терминологического шаблона, что на первый взгляд не вызывает удивления. Однако даже в таком случае возникает вопрос – почему данная проблема не была устранена в процессе финальной редакции текста? Вероятно, ответом может стать предположение о том, что «Продолжатель Феофана» представляет из себя не столько продукт совместной работы, сколько компиляцию текстов нескольких писателей. Несмотря на разницу в орфографии, функция термина остается прежней – им продолжают обозначать верховного правителя мусульманского мира. Таким образом, отсутствие системности в вопросе правописания не наносит вред пониманию значения данного слова авторами, что подтверждает гипотезу о наличии данной особой терминологии и ее узкоспециализированном направлении.

¹⁴ Еще одним таким подтверждением служит фрагмент из четвертой главы, в которой автор рассказывает о бегстве одного из стратегов, исповедавшего павликианство, к правителю Мелитины по имени Амр, (Ἄμερ), а от него – к халифу. Данный отрывок представляет особый интерес в контексте темы политической структуры. «Продолжатель» вновь использует термин «ἄμεραμνοῦβνῆ» строго в отношении фигуры халифа, обходя стороной знаменитого Амра, личность которого ему известна значительно более (он также приводит другой вариант этого имени – «Амвр» (Ἄμβρος). Не менее интересна и другая деталь – имя «Амр», вероятнее всего, является вымышленным. В данном фрагменте нашло отражение любопытное явление – это имя может происходить от слова «эмир» (араб. امير - вождь, повелитель), которое в греческой транскрипции не раз приобретало следующую форму: «ἄμηρᾶς» (амэрас). К примеру, именно такая форма появляется в том же трактате «Об управлении империей» (De adm. imp. 21), современном «Продолжателю Феофана». Не исключено, что авторы «Продолжателя», по причине недостаточной осведомленности, либо сами приняли данный термин за имя конкретного деятеля, либо были «дезинформированы» извне. Тем не менее, очевидно, что разница между халифом и эмиром им была известна.

¹⁵ Другие фрагменты также свидетельствуют в пользу данной гипотезы. В той же четвертой главе «ἄμεραμνοῦβνῆ» назван легендарный халиф Абдуллах аль-Мамун (Theoph. Cont. IV. 27), а в пятой – эмир Ифрикии Ибрагим II ибн Ахмед (Ibid. V. 62)⁸. Последний пример также представляет немалый интерес в связи с применяемой в данном случае терминологией. Правители династии Аглабидов, к которой принадлежал Ибрагим, управляли Ифрикией в статусе эмиров, формально признавая сюзеренитет Аббасидов. Фактически эмират был независимым государством, и нельзя исключать, что именно этот факт нашел отражение в тексте «Продолжателя». Поскольку, как было отмечено выше, в византийской литературе X в. термин «ἄμεραμνοῦβνῆ» до этого момента был применим только к верховным правителям мусульманского мира, трудно представить, чтобы автор в данном фрагменте резко отошел от установившейся традиции или совершил ошибку. Поскольку «Продолжатель» подробно рассказывает о его походе на державу

ромеев, вероятно, либо исключительно этот персонаж, либо вся династия воспринимались им как самостоятельные правители, по уровню своей власти равные багдадским халифам. Несмотря на то, что Аглабиды носили титулы эмиров, в тексте источника они фактически названы халифами. Помимо этого, нельзя не заметить, что, несмотря на сильное влияние религии на сознание любого средневекового автора, для «Продолжателя» в данном случае более важен политический статус Ибрагима, что и обусловило применение термина «ἄμεραμνοῦνῆ» (официально, Аглабиды были суннитами и признавали в том числе и духовную власть багдадского халифа). Для самого же автора этот термин в данном контексте имеет больше политическое, нежели религиозное, значение – «ἄμεραμνοῦνῆ» как вождь арабов, а не духовный лидер всех мусульман.

16 И, наконец, последний из фрагментов, где применяется данный термин, содержит краткий разбор истории Армении и ее отношений с Византией, Персией и Халифатом (Ibid. V. 2). Лидер мусульман вновь по традиции назван «ἄμεραμνοῦνῆ», но в этом отрывке представляет интерес не столько он сам, сколько сравнение данного наименования с другими царскими титулами. «Продолжатель» ожидаемо называет властителя ромеев «царем» («βασιλεύς»), а персидского и армянского – «правителями» (ἡγεμόν). Таким образом, выказывая последним внешнее уважение, он, тем не менее, на контрасте помещает их на одну ступень ниже императора – прием, который по умолчанию применяли предшественники «Продолжателя», намеренно избегавшие приравнивания уникального и единственного в своем роде титула «βασιλεύς», который мог быть отнесен только к византийской монархии⁹.

17 Таким образом, можно утверждать, что труд «Продолжателя Феофана» неразрывно следует терминологической парадигме, сложившейся в византийской литературно-исторической мысли. Данная парадигма включала в себя набор особых узкоспециализированных терминов, каждый из которых служил для обозначения тех или иных элементов структуры власти в арабских государствах. В отличие от предшественников, коллектив авторов «Продолжателя», вероятно, не обладал широкими познаниями в области социально-политического устройства государств исламского мира, чем может быть обусловлен тот факт, что такая специальная терминология встречается в данном тексте значительно реже. Единственным термином, за который может «зацепиться» внимание исследователя, остается «ἄμεραμνοῦνῆς» (ἄμεραμνοῦνῆ), который, надо признать, у «Продолжателя» встречается значительно чаще, чем у того же Константина, но, тем не менее, является в данном случае скорее исключением. На основании небольших и не очень содержательных фрагментов сделать развернутые однозначные выводы об отношении к власти восточного монарха самого автора не представляется возможным. Тем не менее, несмотря на скудный набор данных, все же можно констатировать факт наличия и развития специализированной терминологии, относящейся к конкретно определенному статусу арабского правителя – халифа или эмира. Кроме того, в одном из разобранных выше фрагментов «Продолжатель» все же показывает, что основным фактором характеристики конкретного правителя для него является не официальный статус последнего, а набор властных полномочий, осуществляемых de facto. Фактическая политическая власть в его сознании преобладает над юридическим определением.

На основании этого, сложно говорить о некоей уникальности данного источника, подражающего устоявшейся литературной традиции, однако «Продолжатель Феофана», несомненно, является ценным памятником византийской литературной мысли, позволяющим исследователю намного детальнее рассмотреть картину восприятия византийцами образа восточного монарха.

Примечания:

1. Филатов А.А. Власть арабских халифов в византийской литературе IX–X вв. // *Метаморфозы истории*, 2022. Вып. 26. С. 13–24.
2. См. Theoph. Chron. 6123–6124; 6171; Const. Porph. De adm. imp. 21.
3. См.: Каждан А.П. Из истории византийской хронографии X века // *Византийский временник*. 1961. Т. XIX. С. 76–96; Любарский Н.Я. Византийские историки и писатели. Санкт-Петербург, 2012. С. 68–148; Jenkins R. The Classical Background of the Scriptorum Post Theophanem // *Dumbarton Oaks Papers*. 1954. Vol. 8. P. 11–30; Nickles H. The Continuatio Theophanis // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1937. Vol. 68. P. 221–227; Yannopoulos P. Les vicissitudes historiques de la Chronique de Théophane // *Byzantion*. 2000. Vol. 70. №2. P. 527–553.
4. Среди наиболее исчерпывающих работ по этому периоду см.: Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии: СПб., 1902. С. 5–191; Kennedy H. The Prophet and the Age of Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. London, 2004. P. 156–209.
5. Необходимо отметить, что, в отличие от своих предшественников, «Продолжатель Феофана» значительно реже дает моральную оценку личности того или иного мусульманского правителя. Подробно о таких примерах см.: Meyendorff J. Byzantine Views of Islam // *Dumbarton Oaks Papers*. 1964. Vol. 18. P. 113–132; Donnadiou J. La représentation de l'islam dans l'Historia orientalis. Jacques de Vitry historien // *Le Moyen Age*. 2008. Vol. 114. P. 487–508.
6. Библиография по данной теме довольно обширна. Из недавно опубликованных работ см.: Christides V. The Raids of the Moslems of Crete in the Aegean Sea. Piracy and Conquest // *Byzantion*. 1981. Vol. 51. №1. P. 76–111; Tibi A. Two Sources on Arab Crete: Al-majālis wa'l-Musāyarāt and Mu'jam al-Buldān. Graeco-Arabica // Heraklion: Vikelaiia Library and the institute for Graeco-Oriental and African Studies. 2011. Vol. 11. P. 119–122; Yannopoulos P. Η παρουσία των Αραβοκρητών στον ελλαδικό χώρο σύμφωνα με τις τοπωνυμικές πηγές [The Presence of the Cretan Arabs in the Area of Greece According to Toponymical Sources]. Graeco-Arabica // Heraklion: Vikelaiia Library and the institute for Graeco-Oriental and African Studies. 2011. Vol. 11. P. 123–134.
7. «Продолжатель» не называет его имени. С учетом датировки мятежа Андроника (906–907 гг.), можно предположить, что здесь подразумевается халиф аль-Муктафи Биллах (902–908 гг.). Отсутствие имени вновь наводит на мысль о невысоком уровне осведомленности автора о политической ситуации в государстве Аббасидов.
8. Васильев А.А. Византия и арабы. С. 20–153. Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). Berlin; Boston, 1966. S. 235; Vasiliev A. The Struggle with the Saracens (867–1057) // *The Cambridge Medieval History*. Cambridge, 1923. Vol. 4. P. 138–150; Walker P.E. The Isma'ili Da'wa and the Fatimid Caliphate. Cambridge, 1998. P. 120–150.
9. Особенно это прослеживается в текстах Феофана и Константина. См.: Филатов А.А. Власть арабских халифов в византийской литературе IX–X вв. С. 6–7.

Библиография:

1. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Греческий текст, перевод, комментарии. М.: Наука, 1991.
2. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902.
3. Каждан А.П. Из истории византийской хронографии X века // *Византийский временник*. 1961. Т. XIX. С. 76–96.
4. Любарский Н.Я. Византийские историки и писатели. СПб.: Алетейя, 2012. С. 68–148.

5. Филатов А.А. Власть арабских халифов в византийской литературе IX–X вв. // *Метаморфозы истории*. 2022. Вып. 26. С. 13–24.
6. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae / consilio B. G. Niebuhrii C. F. instituta, opera eiusdem Niebuhrii, Imm. Bekkeri, L. Schopeni, G. et L. Dindorfii aliorumque philologorum parata. Theophanis Chronographia / ex rec. Ioannis Classeni. Bonnae: Weber, 1839. Vol. 1.*
7. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Theophanes continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, ex recognitione Immanuelis Bekkeri. Bonnae: Weber, 1838. Vol. 33.*
8. Christides V. The Raids of the Moslems of Crete in the Aegean Sea. Piracy and Conquest // *Byzantion*. 1981. Vol. 51. №1. P. 76–111.
9. Donnadiu J. La représentation de l'islam dans l'Historia orientalis. Jacques de Vitry historien // *Le Moyen Age*. 2008. Vol. 114. P. 487–508.
10. Eickhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 1966.
11. Jenkins R. The Classical Background of the Scriptorum Post Theophanem // *Dumbarton Oaks Papers*. 1954. Vol. 8. P. 11–30.
12. Kennedy H. *The Prophet and the Age of Caliphates: the Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century*. London: Pearson Education Limited, 2004.
13. Meyendorff J. Byzantine Views of Islam // *Dumbarton Oaks Papers*. 1964. Vol. 18. P. 113–132.
14. Nickles H. The Continuatio Theophanis // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1937. Vol. 68. P. 221–227.
15. Tibi A. Two Sources on Arab Crete: Al-majālis wa'l-Musāyarāt and Mu'jam al-Buldān. *Graeco-Arabica* // Heraklion: Vikelaia Library and the institute for Graeco-Oriental and African Studies. 2011. Vol. 11. P. 119–122.
16. Vasiliev A. *The Struggle with the Saracens (867–1057)* // *The Cambridge Medieval History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. Vol. 4. P. 138–150.
17. Walker P.E. *The Isma'ili Da'wa and the Fatimid Caliphate*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
18. Yannopoulos P. Les vicissitudes historiques de la Chronique de Théophane // *Byzantion*. 2000. Vol. 70. №2. P. 527–553.
19. Yannopoulos P. Η παρουσία των Αραβοκρητών στον ελληνικό χώρο σύμφωνα με τις τοπωνυμικές πηγές" [The Presence of the Cretan Arabs in the Area of Greece According

to Toponymical Sources]. *Graeco-Arabica* // Heraklion: Vikelaiia Library and the institute for Graeco-Oriental and African Studies. 2011. Vol. 11. P. 123–134.

On the question of the term “ἀμερμουμνῆς” in «Theophanes Continuatus»

Alexey Filatov

*Junior Researcher, Research Laboratory, Pskov State University (Pskov SU)
Russian Federation, Saint-Petersburg*

Abstract

Through the centuries, Arab-Byzantine interactions developed in different ways. There was an amount of military conflicts, embassies, dense intercultural and interreligious cooperation. All these factors created the specific view on Islam and the image of Muslim world from Eastern Roman perspective.

This view frequently found its place on pages of Byzantine historical and literary works, predominantly chronicles and tractates, and was expressed towards different details of Arabian world's milieu. One of the most curious of them is a question of religious and civil authority, its significance in eyes of the authors who represented antagonistic outlook. As a continuation of previous research, devoted to the problem of perception of supreme political power of Caliphate in Byzantine literature, this article considers the same question within one definite historical source, namely the chronicle of Theophanes Continuatus.

This author is less well-known in comparison with his contemporaries like Constantine VII Porphyrogenitus. Nevertheless he uses the same strait and specific terminology for denotation of upper secular power in Caliphate. The article deals with this terminology which is analyzed as a tool of understanding of Byzantine consciousness and its attitude to the phenomenon of Eastern despotism.

Keywords: Byzantine Empire, Caliphate, Christianity, Islam, Theophanes Continuatus, Constantine Porphyrogenitus, Eastern despotism.

Publication date: 27.12.2023

Citation link:

Filatov A. On the question of the term “ἀμερμουμνῆς” in «Theophanes Continuatus» // *Metamorphoses of History* – 2023. – Issue 30 [Electronic resource]. URL: <https://history-metamorph.ru/S241436770028683-1-1> (circulation date: 06.07.2024). DOI: 10.37490/S241436770028683-1